

Другая жизнь Екатерина Шаврина: «Не пью, не курю, не влюбляюсь...»

Ее «фишка» — не фольклор, поднадоевший и «запестый», не однодневная попса, а мелодичная задушевная песня, поданная в современной аранжировке. Шавриной стоит только крикнуть «О-паньки!», и зал мгновенно подчиняется ей. ...Мы договорились об интервью, и первое, что выпалила легенда российской эстрады, присаживаясь на диван, было: «Я умоляю, не называйте меня Екатериной Феоктистовной! Давайте просто — Катя!»

— Екатерина, жизнь вашу легкой никак не назовешь! Насколько мне известно, вы родились глухонемой...

— Это правда, несколько лет после рождения я не слышала, и не говорила. Жизнь не обещала мне никаких радостей: врачи помочь не могли, считая, что болезнь неизлечима. Но один славный профессор из Свердловска сотворил чудо. После его операции я не только заговорила, но и запела неизвестно откуда взявшимся сильным поставленным голосом. Как рассказывала мама, я готова была двадцать четыре часа в сутки рвать глотку.

— Поговаривают, что, будучи совсем юной, вы познакомились с тогдашним «первым лицом государства» Никитой Хрущевым и вроде он вам даже помог. Что это за история?

— О, мне тогда было всего 14 лет. Прошла небольшой

конкурс, я стала петь в Прикамском народном хоре. Пела я очень бойко, задорно, поэтому уже буквально через год меня, как подающую большие надежды исполнительницу, отправили в Москву на Всероссийский смотр самодеятельности. После конкурса меня и еще четырех лауреатов выбрали, чтобы мы подарили цветы Хрущеву. С нами провели строгий инструктаж: в условленное время нас приводят в правительственную ложу, мы в соответствии с заранее утвержденным списком вручаем свои цветочки, а я должна была поздравить рядового члена правительства по фамилии Фурцева. А я ведь обожала Никиту Сергеевича! Поэтому, минуя все преграды и кордоны, я оказалась в ложе и напро-

лом бросилась к Хрущеву. С криками: «Никита Сергеевич, родной вы наш! Спасибо вам за все!» кинулась обнимать его. Фотографии, на которых я целую и обнимаю Хрущева, облетели страницы почти всех газет Советского Союза. Тогда я только заканчивала десятый класс и в своей школе стала настоящей героиней. Вскоре моя популярность распространилась далеко за пределы школы и одну из моих песен в мою честь крутили по центральному радио. Мама слушала меня и усмехалась: «Надо же, наша Катюша-артистка...» Естественно, она называла меня так в шутку, потому что ни ей, ни отцу и в голову не могло прийти, что когда-нибудь я буду выступать на эстраде. «Певиша — это Зыкина, а такие как ты — на день, на два, пока молодая да красивая, а пройдет время — никто и не вспомнит».

— Спустя время сама Зыкина скажет: «Шаврину учить петь — только портить». Встреча с Людмилой Георгиевной была в вашей судьбе одной из судьбоносных...

— Людмила Георгиевна очень помогла мне в жизни. Благодаря ее помощи я поступила в училище имени Ипполитова-Иванова. В свое время там было единственное в России народное отделение. Мне бы никогда не поступить в этот институт — я ведь была девочкой с периферии. Да еще и конкурс — 30 человек на место! Представляете? Зыкина попросила Елену Пилеванову, чтобы я прошла экзамены без конкурса.

— А в институте вы учились вместе с Аллой Пугачевой?!

— Мы учились на одном курсе, но на разных факультетах и были большими подругами. После института часто тусовались всей компанией у меня дома. У нас даже были среди своих «клички» — «Варя» и «Дуся». Варя — это я, а Алла — Дуся. С Аллой Борисовной я и до сих пор в очень теплых, дружеских отношениях, мы иногда созваниваемся, видимся, правда, редко.

— Вы были одной из первых «вездных» певиц в СССР в период «железного занавеса». Какие впечатления от тех поездок?

— Мне и вправду повезло в том, что, в отличие от многих, уже во времена «железного занавеса» я знала, что очень недалеко, на расстоянии двух-трех часов лета, есть совсем иная жизнь, без дефицита и очередей, без хмурых лиц и всеобщего страха, без всезвездных паркомов и «друзей» — соглядатаев. Жизнь с магазинами, полными товаров, с ухоженными улыбающимися женщинами на каблучках и без авосек, с достойными мужчинами на хороших авто. От одного этого можно было сойти с ума. Когда я первый раз попала за границу, меня больше всего поразило изобилие продуктов. Полный захлеб, нечто невообразимое для русского человека. Обидно становилось за себя и за свою Родину, которую я совершенно искренне любила

и люблю поныне. Не избалованная я была с детства. Всегда легко относилась к красоте жизни, была равнодушна к тряпкам. Пожалуй, это и спасло меня тогда от стрессов от увиденного.

— Вы считались благонадежной певицей, вас легко выпускали за границу. У вас никогда не возникало мысли там остаться? Говорят, что сам Фидель Кастро падал перед вами на колени, предлагая перебраться на остров Свободы...

— Никогда не хотела. Я родилась и выросла в Свердловской области и так люблю родные просторы, Урал, Сибирь, что ни на какую границу их не променяю. Кастро действительно оказал мне большое внимание, вставал на колени и говорил: «Катя, забыть вас невозможно, обязательно возвращайтесь...» Конечно же, он меня давным-давно забыл... Он же перед всеми женщинами на колени вставал. Политики — люди хитрые. Для рекламы пойдут на что угодно. Куба, честно говоря, меня никогда не привлекала. Сам по себе остров красивый. Но там слишком сильное социальное неравенство. Одни катастрофически бедны, другие вызывающе богаты, а третьи все время ходят в военной форме и «играют в войну». Меня раздражали и их слишком вольные отношения: они могут в ресторане при всех, где-нибудь в уголочке, заняться сексом. Мне это казалось ужасным.

— Сейчас у вас собственный дом на Кипре. Как вы его приобрели?

— Хочу похвалиться, недавно я стала киприоткой. Несколько лет назад я приобрела дом на Кипре. Давно об этом мечтала, а тут оказалось, что сделать это проще простого. Вездной визы на Кипр не нужно. Достаточно просто купить по загранпаспорту билет за 200—300 долларов и поехать. А там на каждом шагу — фирмы, продающие вольные отношения. Русские покупатели в почете. Целые кварталы выставлены на продажу по вполне реальным ценам. Допустим, двухэтажный дом на двух хозяев стоит около 30 тысяч долларов. Внизу — кухня, маленькая гостиная, на втором этаже — две спальни. Что еще для счастья надо?

— Мы уже столько беседуем, а вы так и не рассказали о своей личной жизни. Спустя годы, вы так и храните обиду на своего первого мужа?

— Обиды, наверное, нет. Чувство совсем другое, необъяснимое словами. Стараясь реже вспоминать те времена.

— Если нетрудно, расскажите, как состоялось ваше знакомство с Григорием Пономаренко?

— Это было как раз в те времена, когда я только начинала свою карьеру. Я поехала в Куйбышев поступать в Волжский народный хор, но опоздала. Помню, села на чужую лестницу в здании, где размещался хор, и стала думать, как же дальше быть — ведь в кармане не было ни гроша. В тот вечер в студию, рядом с которой я сидела, пришел музыкальный руководитель коллектива Григорий Пономаренко. О том, что он известнейший в Советском Союзе композитор, написавший «Оренбургский пуховый платок» и «Ивушка

зеленую», я узнала namного позже. Я сидела настолько расстроенная, что ему, видимо, стало меня жалко, и он согласился меня послушать. Я спела, ему понравилось, и я стала петь в этом хоре. Сначала несколько дней жила у него дома, а потом он определил меня в общежитие. Я, глупая провинциальная девчонка, тогда этому только радовалась. Думала: надо же, какой заботливый человек! Хотя даже слепому было ясно, что Григорий Федорович, приняв меня в хор, имел свой интерес. Он недавно развелся с женой и начал откровенно жить с мной ухаживать. На меня многие смотрели косо, а я страшно переживала, потому что даже в самом страшном сне не могла себе представить, что у меня, шестнадцатилетней девчонки, может быть что-то, кроме дружеских отношений, с человеком, который на двадцать два года старше. Григорий Федорович был до ужаса ревнивым человеком. Он не хотел меня делить ни с кем. А о том, что мне понравилось что-то кроме его сочинений, нельзя было даже заикаться. В доме тут же начинался грандиозный скандал. Именно тогда «Коля, Коля, Николаша», «Тополя, тополя», «Гармошечка-говорушечка» в моем исполнении звучали из всех динамиков Советского Союза. Григорий Федорович думал, что, если я буду больше петь, наша жизнь наладится. Но я по-прежнему скучала и терзалась от того, что стала женой этого совершенно чужого мне человека.

— Из-за чего вы расстались?

— Пономаренко пригласил выступить в концерте от ЦК комсомола в клубе КГБ. Я отработала свой номер и тут же спряталась в кулисах, чтобы понаблюдать за тем, как выступают другие артисты. Григорий Федорович почему-то очень раздражалось мое любопытство. Ему все время казалось, что я высматриваю ему замену. Когда я смотрела, как работал Кобзон, кто-то больно схватил меня за руку и буквально вытолкнул из-за кулис

на задворки: «Что это за мерзкая улыбочка была у тебя, когда ты смотрела на этого самца?» Тогда он впервые несколько раз наотмашь ударил меня по лицу. Он отвез меня домой, а сам уехал к одному своему приятелю. Я, наспех одевшись, взяла трехлетнего сына и выбежала на улицу. Наверное, я не очень хорошо понимала, что делала, так даже детских вещей с собой не взяла. Больше с Пономаренко я не виделась никогда. Но не подумайте, что я в обиде на этого человека. Я благодарна ему за песни, которые он писал специально для меня, и, конечно же, за нашего сына — Тришу.

— Вы были замужем дважды?

— Мой второй муж был музыкантом в оркестре Юрия Саульского. Мы прожили вместе восемь лет, у нас две замечательные дочки — близнецы Элла и Жанна. А разошлись мы потому, что у меня катастрофически не хватало времени, чтобы быть просто женой и мамой. Я как проклятая пропадала на сцене. Меня сутками не бывало дома, и я благодарилла Бога, если мне удавалось поспать часа четыре. Да, поклонников всегда было много, но сегодня мне некогда обращать внимание на мужчин. Бывает, подходит поклонник и начинает: «Ой, Екатерина, вы знаете, я вас так давно...» Я не дослушиваю, извиняюсь и говорю: «Нет времени».

— Что помогает вам держать себя в такой прекрасной форме?

— У меня свой дом недалеко от Москвы, и там хороший спортивный зал. Хотя на самом деле я специально не стараюсь выглядеть хорошо. Зрители видят, насколько я стараюсь во время концерта. Я настолько много двигаюсь и бегаю по залу, что никакая полнота во мне не задерживается. Диеты никакой не придерживаюсь. Очень люблю покушать на ночь. Особенно люблю сало с луком и зеленью. Лук могу есть, как яблоко. Это же все от природы.

— У вас есть любимое место отдыха?

— Я обожаю Австралию. Не только потому, что там теперь живет моя дочь. Мне кажется, что если и есть рай на земле — то это в Австралии. Как только выдается свободное время — покупаю билеты на самолет, и — вперед, с песней!

— Кстати, о песнях. Какая песня вам сейчас нужна?

— Напористая. Заводная. Сейчас не принято выйти и, стоя на месте, петь, не двигаясь. Поэтому я постоянно бегаю по сцене, спускаюсь в зал. Я постоянно в движении — и песни мне нужны такие же. Последнее время я сотрудничаю с композиторами Виталием Окорочковым и моим другом, молодым талантливым автором Алексеем Исааковым.

— Екатерину, признайтесь, а современную музыку слушаете?

— Даже смешно, но люблю я только ту музыку, которая звучит фоном. Мне нравятся Мэрайя Кэри, Селин Дион, Барбра Стрейзанд, Уитни Хьюстон... Из «наших» мне очень нравится голос покойного Валерия Ободзинского. Очень люблю группу Queen, у меня есть почти все записи этой группы. Я даже была в доме Фредди Меркьюри в Лондоне, расписалась на заборе...

— Вы никогда не думали, что, постоянно работая на пределе, вы в конце концов сорвете себе голос?

— Однажды я выступала в пеще, стены которого были покрыты ином, и я «напела» себе узлы на связках. В больнице Боткина мне сделали сложнейшую операцию, и доктор Василенко строго-настрого приказал мне месяц не открывать рот. Дома через неделю раздался звонок: меня ждут на концерте во Дворце съездов. Отказываться было нельзя. Я выступила, и у меня произошло страшнейшее кровоизлияние на связках...

— У вас есть девиз по жизни?

— Есть: не пью, не курю, не влюбляюсь!!!

Иван ИЛЬИЧЕВ

